

United States Holocaust Memorial Museum

Interview with Tamara Dmitrenko

RG-50.575*0005

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.

Вопрос: Здравствуйте! Мы берем у Вас интервью для музея Холокоста в Вашингтоне. Представьтесь, назовите Ваше имя и фамилию, где и когда Вы родились.

Ответ: Я – Дмитренко Тамара Кирилловна. Родилась в Одессе в 1924 году 24 января.

Вопрос: Война застала Вас в Одессе. Мы собираем свидетельства очевидцев о том, что происходило с евреями во время оккупации Одессы. Расскажите, как для Вас началась оккупация. Что Вы видели?

Ответ: В Одессу 17 или 18 октября вошли немцы и румыны. И уже где-то 19-20 октября по городу был приказ, чтобы все двери и окна были не на замках, а открыты, чтобы все мужчины определенного возраста должны выйти на улицы и их будут отправлять. И где-то тут же началась облава на еврейские семьи.

Вопрос: Вы говорите, что были объявления. Вы видели эти объявления?

Ответ: Конечно. На русском языке на воротах, на столбах были наклеены. Ходили румыны и с ними эти «оралы», которые об этом объявляли. Люди стали разбегаться, прятаться.

Вопрос: Это Вы говорите об облавах?

Ответ: Это я говорю, как вообще было в первые дни, когда они пришли. И тут же начались эти гонения страшные на еврейские семьи. Заходили в дома, выгоняли с малютками, старики – всех.

Вопрос: Кто заходил?

Ответ: Румыны и немцы, но, в основном, тут все-таки румыны были. Они, видимо, думали, что здесь, в Одессе, волки и медведи бегают. А когда они приехали, они сами растерялись от того города, от того, что здесь они увидели. Знаете, винтовками в спину, в голову кто сопротивлялся. Ужас, это очень трудно даже вспоминать. Что можно сказать, когда лавина несчастных людей - и их гонят. Куда, что – ничего не известно. Я лично знаю, что группу из нашего района погнали в район Слободки. Там на Балковской улице было мореходное общежитие. И вот их туда согнали в это общежитие, в это гетто.

Вопрос: Вы видели, как их гнали?

Ответ: Конечно. Мы же еще дети были, мы не могли еще понять этого ужаса: это ж наши подружки, соученицы, их куда-то гонят! И мы тоже бегали за ними!

Вопрос: Вы знали, что они евреи?

Ответ: А как же!

Вопрос: Гнали именно евреев, других людей там не было? Вы их знали?

Ответ: Мы же жили в одном доме, мы учились в одной школе! Разве в то время мы делили на евреев, на немцев, на россиян, на украинцев? Это ж было одно целое! И вдруг вот это вот!...Их туда согнали, и там они были, примерно, недели три. И вот местные жители начали им приносить еду какую-то.

Вопрос: Что значит «местные жители»?

Ответ: Ну русские люди вокруг же оставались!

Вопрос: Что это за местность?

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

Ответ: Я Вам сказала, что это район Слободки, между Балковской улицей было это общежитие, и их туда загнали. И вот мы туда ходили. Родители, и я с ними, носили туда пищу, что было. Это ж все-таки война, мы и сами немного имели. Но мы оставались на месте. Это все-таки и крыша над головой, и своя постель. А это ж люди...это все было ужасно... А потом вот эту группу и из других концов города начали свозить в тюрьму.

Вопрос: Вы сказали, что он «там жили, это было ужасно». Вы знаете какие-то подробности быта, как они там жили?

Ответ: Как попало! Там, конечно, было помещение. Я туда не заходила. Если стоит помещение, загнали людей: люди во дворе, люди под дождем, детей этих как-то устраивали. Они взяли какие-то вещички с собой, которые постепенно у них забирали.

Вопрос: А вот то, что они под дождем во дворе – это Вы видели?

Ответ: Ну а как же! Сейчас невозможно это так детализировать. Но представьте себе картину, когда лавину людей, детей, стариков загоняют в помещение!

Вопрос: Как они себя вели, когда их загоняли?

Ответ: Как это можно сказать? Это же трагедия! Они шли: одни кричали, кто-то молился, кто-то падал, кто-то не мог сдвинуться с места и его поднимали, несли на руках.

Вопрос: Их конвоировали?

Ответ: А как же!

Вопрос: Кто был в конвое?

Ответ: Румыны.

Вопрос: Как они относились к этим людям, когда гнали их?

Ответ: Если ты падал – он тебя и винтовкой, и ногой, и в голову! С криками, с проклятиями на своем языке.

Вопрос: Убитых там не было?

Ответ: Не знаю, были, наверное, люди, которые не выдерживали. Когда они их гнали, они не стреляли их. Потом уже их сожгли просто, когда загнали их туда в тюрьму. А потом они их погнали еще на люфсдорскую дорогу, там какие-то склады были, пороховые, что ли, и вот там их сжигали.

Вопрос: Но Вы этого уже не видели?

Ответ: Нет. Повешенных я видела по городу. Вот люди спрятали ...вот мы спрятали соседского ребенка, которые ушли и оставили нам вот эти два чемодана с вещами. А многие мужчины, женщины где-то прятались. Они их находили. Находились люди, которые указывали, что вот там в погребе где-то сидит еврей. И, если они туда заходили, то вряд ли он уже выходил живой оттуда.

Вопрос: Были на улицах люди? Они видели это шествие? Как они относились к этому гонению?

Ответ: Ну вот представьте себе, что гонят людей. А Вы идете по улице и вдруг это видите. Вы куда-то уходите в сторонку, или прячетесь в подъезд, или стоите оцепененный?

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

Вопрос: Какую-то реакцию людей Вы наблюдали?

Ответ: Какую реакцию? Они могут подойти? Нет! Они могут бросить что-то, например, если я несла хлеб, я могла его бросить

Вопрос: Кто-нибудь бросал?

Ответ: Да, конечно. Бросали даже какие-то вещички, потому что их раздевали, они полуодетые были.

Вопрос: Давайте вернемся к Слободке. Вы уже обрисовали, что было там и перешли к тому, как их оттуда уже отправляли.

Ответ: Оттуда так же само их отправляли, так же само они шли, так же их толкали, так же их обижали.

Вы спрашивали меня о первых днях. С нашей семьей такая типичная история была. У нас жила семья Зальдманов. У них была дочь и маленький ребенок. Мужа ее уже забрали, в армию, что ли, я точно не помню. И когда был приказ о том, чтоб они выходили, она поднялась к нам (мы жили на втором этаже, а они на первом).

Вопрос: Это какой адрес?

Ответ: Там же, на Садовой. И она попросила...Но кто мог себе представить конец этого ужаса! Поэтому она принесла два небольших чемодана и говорит: «Пожалуйста, оставьте, а потом я их возьму». И она держала ребенка, ему было месяцев 8. А мама ей предложила, чтоб она оставила его у нас. И она его у нас оставила. И она ушла с родителями. Угнали их на Слободку. А на утро она вернулась, не знаю, как: может, румыну дала колечко и сказала, что вещи принесет. И она забрала эти вещи и забрала ребенка. Ну не выдержала душа ее, понимаете. А взрослые люди многие прятались в окраину, на деревню, где-то какие-то родственники, друзья, сотрудники ...так прятали людей. Но если они находили, так уже доставалось и тем, кто прятал, естественно. Вот у нас была приятельница, которая недалеко жила, через несколько домов от нашего дома. У нее муж был еврей. И когда началась война, и мы уже по газетам, радио и вообще видели и понимали, что будет с евреями, так она сделала такую прятку у себя в квартире, и все эти годы она его там сохранила. Она была косметолог, и она как бы приняла к себе немцев. Она там делала им массажи, там была у нее маникюрша, педикюрша. И они к ней относились уже совершенно по-другому. Таким образом, она вошла к ним в доверие и спасла своего мужа.

Вопрос: Вы только что сказали, что «стало ясно, ЧТО произойдет с евреями». Каким образом Вам стало это ясно? Когда Вы это поняли?

Ответ: Мы же слушали радио. Началась война. Неужели мы не знали, что делается в Польше, Чехословакии и тому подобное? Мы же это уже видели!

Вопрос: То есть, уже были такие сведения, не слухи?

Ответ: Да.

Вопрос: А что дальше было с семьей Зальдманов?

Ответ: А вот их когда перевели отсюда, со Слободки, в тюрьму...

Вопрос: Когда это было?

Ответ: Может быть, через месяц. И мать сварила ведро картошки. И она, отец и я пошли туда в
The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been reviewed or verified for accuracy. This document should not be used without first checking against the interview.

Она прошла туда, румын ее пропустил. И она к ним пошла. Но они ее назад не выпустили. Только на утро мы смогли ее выкупить, папа там что-то этому румыну дал, и он ее вывел.

Вопрос: Но Вы там в середине не были?

Ответ: Нет, мы с отцом всю ночь простояли под тюрмой. А уже где-то под утро она оттуда вышла. Вот так вот...у нас было очень много друзей...но все, кто остались, те погибли....

Вот такой у меня был случай. Воды в городе не было, и мы с отцом пошли искать воду. И дошли до Греческой площади, тут у нас в центре....Шла молодая женщина, мальчик, такой малыш, и пожилой человек. Видимо, это был отец. Он шел и молился по-еврейски.... Их вели...и на площади стояли виселицы... и тут же их ...повесили.

Вопрос: Это когда было?

Ответ: Летом.

Вопрос: Какой год?

Ответ: Сейчас...в октябре в Одессу вошли, прошла зима и наступило лето. Вот это пик был вот этих всех деяний.

Вопрос: То есть это 1942 год?

Ответ: Да, лето 1942.

Вопрос: Вы на Греческой площади оказались случайно?

Ответ: Мы пошли искать воду.

Вопрос: Так далеко?

Ответ: Не было воды! Одесса осталась без воды!

Вопрос: Приходилось с такого расстояния носить воду?

Ответ: Мало того! Люди со всех концов сходились на Балковскую улицу. Там какой-то ручеек был, и выстраивалась очередь в 200 человек, по ведрышку набирали воду. Одесса без воды осталась.

Вопрос: Это всю оккупацию длилось?

Ответ: Потом как-то немножко наладилось. Но вот когда мы на Слободке были, когда прятались, мы только из этого ручейка брали воду.

Вопрос: Вернемся к тому эпизоду. Та семья, которую повесили, была большая?

Ответ: Я же говорю, что шла молодая женщина, ребенок и старик.

Вопрос: Виселицы уже готовы были?

Ответ: Да! Да они стояли на Греческой площади. Стояли четыре виселицы. Потом мы с отцом туда ходили. Их там уже не было, там висели уже другие люди. Русские они были, татары – это мы уже не знаем.

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

Вопрос: То есть, это было постоянное место казни?
Ответ: Да.

Вопрос: Те люди, другие повешенные, кто это были?

Ответ: Мужчины. Больше ничего неизвестно.

Вопрос: Кроме Вас это кто-то видел? Там много людей ходило?

Ответ: Это центр. Это одесситы, которые тут же начали оживать. И город начал жить какой-то жизнью. Открылись кинотеатры, открылась консерватория, где я пошла учиться, появились какие-то комиссионные магазины. Конечно, народ ходил. Появился базар, потому что здесь ведь много дач было, люди имели свои кусочки земли. Появились какие-то продукты, какое-то печиво.

Вопрос: Вы наблюдали какую-то реакцию у одесситов, которые проходили мимо повешенных? Были ли какие-то разговоры?

Ответ: Ну а как же! Конечно, говорили об этом. Люди страдали. Но находились, конечно, не очень хорошие люди, которые указывали, где кто-то находился. Но, в основном, через столько лет, когда я вспоминаю, тогда, в тот момент, даже не было оценки настоящей. Это приходит уже с мудростью, девчонка 14-ти лет не могла тогда еще это все сообразить. А взрослые люди...мне кажется, народ относился по-доброму. Я не знаю таких варварских, предательских моментов.

Вопрос: А вот в самом начале, когда евреев собирали на Слободку, оставались же квартиры брошенные, вещи?

Ответ: Безусловно. А народ здесь жил в коммунальных квартирах, где было 5-6 комнат в коммуналке. И, естественно, он занимал и вторую комнату.

Вопрос: На Ваших глазах кто-нибудь заходил в эти квартиры, мародерствовал, грабил?

Ответ: Заходили люди.

Вопрос: Вы сами видели?

Ответ: Даже в нашем доме заходили. Мы жили в самостоятельной квартире. Мы только уходили прятаться на Слободку и появлялись здесь, в своей квартире. А люди, которые жили...если освобождались квартиры, они их занимали. У меня даже подружка была, которая пришла ко мне из соседнего дома, и мама на ней увидела вещицу и говорит: «А что это ты, Риточка, набросила на себя?» А она говорит: «Это там в квартире было!». Мама запретила мне, чтобы она приходила к нам.

Вопрос: А слова «Это там в квартире было!», это чья имела ввиду квартира?

Ответ: Я Вам скажу, что были еще квартиры эвакуированных, которые были на замках. Люди уезжали, брали необходимое. Но оставались же вещи! Люди туда заходили и пользовались этим.

Вопрос: Вещь, которую взяла та девочка, могла быть и не из еврейской квартиры?

Ответ: Может быть. Но сам факт!

Вопрос: Что еще Вы можете припомнить?

Ответ: Когда евреи возвращались, им квартиры возвращали.

Вопрос: Вы имеете ввиду освобожденную Одессу?

Ответ: Да. Эти люди освобождали квартиры. Суматоха была. ИМ, по возможности, давали жилье. Это же естественно. Если завод вернулся с рабочими, их же нужно было обеспечить! Я могу сказать, что

из моих друзей вернулось очень-очень мало. А я училась в немецкой школе до войны. Тогда была мода такая – изучение немецкого языка. Но там был самый большой процент учеников – это еврейские дети были, потом немцы, а потом уже немножко нас. Поэтому, когда началась война, то у меня очень много друзей погибло. Они не верили...Вы знаете, вот этот сосед Зальдман, который под нами жил, он был художник-литейщик. И когда мама ему говорила: «Что вы сидите, почему не уезжаете?» Так он говорил: «Мадам, я был в Германии. Это такая высокая нация! Этого не может быть! Это Советская агитация!» Понимаете, люди не верили, что такое может случиться!

Вопрос: Вы слышали эти разговоры?

Ответ: Конечно.

Вопрос: Когда выгоняли евреев, как узнавали, в какой квартире живут евреи?

Ответ: Мы жили не так, как в Америке, что, если соседа убили, то не знали, что он там давно лежит. Когда моя подружка приехала из Америки, так она сказала: «Я не знаю, кто мои соседи. Я живу там уже 3 года, и кто у меня сосед – я не знаю». Мы жили не так.

Вопрос: Но тогда кто-то должен был указать румынам, что в этой квартире живут евреи.

Ответ: Был же приказ, чтоб двери и окна были открыты. Они приходили в любую квартиру и кричали: «Жидан!» Они же видели!

Вопрос: Они могли дважды, трижды приходиться в ту же самую квартиру?

Ответ: Конечно. Они вначале врывались и насиловали женщин. У нас в доме достали большое бревно. Ворота у нас были деревянные. И на ночь все соседи задвигали это, и ночью дежурили. И когда румыны проходили и видели, что закрыто, они начинали лупить по двери. Полупят и пойдут дальше.

Вопрос: Это Вы говорите не о двери, а о воротах?

Ответ: О воротах. Они приходили и насиловали женщин.

Вопрос: Были какие-то знаки после того, как они приходили?

Ответ: Конечно. Повязки такие, звездочки-нарукавники.

Вопрос: У евреев?

Ответ: Да.

Вопрос: А на тех местах, где они уже выгнали евреев, как-то это место обозначалось?

Ответ: Нет, я таких не видела.

Вопрос: А вот эти знаки на людях Вы видели?

Ответ: Ну, здесь их еще было мало, я не видела.

Вопрос: Что-то еще можете вспомнить?

Ответ: Из той толпы людей просто гнали, как скот. Когда корова отбивается от стада, ее назад загоняют. Вот так было с людьми. Стали гнать, как скот, и все.

The following transcript is based on a video recording of an interview with a primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview transcript.

Вопрос: Последний вопрос. Освобождение Одессы, пришла Красная Армия, как ее встречали?

Ответ: Мы все были на улице!

Вопрос: С каким настроением?

Ответ: Ну как же! Бог с Вами! Ну конечно...наоборот. Вот когда Одессу начали освобождать, мы были на Слободке. Все вышли на Балковскую улицу, по которой пошла наша армия. И вот они шли, а мы стоим. «Эх, вы! Проститутки! Вы такие...немецкие! Вы такие...румынские!» Мы же в паспортах...я в паспорте имела печать, что я была в оккупации. Я не могла поступить на работу куда-то. Я занималась в консерватории, а когда такой период, что вот эти отступают, эти – наступают, естественно, занятий не было. Но у нас был кружок при бывшем Доме офицеров. И, когда наши пришли, там эти занятия продолжались. А меня вызвали и сказали: «Вы были в оккупации, Вы здесь не можете быть». И это было довольно много-много лет.

Вопрос: Вы вышли на улицу их приветствовать, встречать?

Ответ: Ну конечно!

Вопрос: А вот «Эх, Вы такие-то» - это говорили солдаты?

Ответ: Да, солдаты, особенно женщины.

Вопрос: Женщины-военнослужащие, которые были в армии?

Ответ: Да.

Вопрос: И все-таки, как население относилось к советским солдатам?

Ответ: Как к освободителям!

Вопрос: Приветствовали их?

Ответ: Ну конечно! Люди ж пережили страшное время оккупации. Я Вам скажу, что, когда человек идет на фронт, он бьется со своим врагом. А мы тут, на месте, живые люди. И вот так это все. И еврейское население, и коммунистов уничтожили...Это тоже не так просто пережить.

Конечно, моментально восстановилось все в городе. Одесса не была сильно разрушена. Одесса не подверглась такому разрушению, как Варшава или другие города.

Вопрос: Спасибо Вам!